

УДАЛЕННОЕ АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ КАК ФЕНОМЕН ЦИФРОВОГО ГОСУДАРСТВА

Т. В. Телятицкая

*профессор кафедры международного экономического права
факультета права Белорусского государственного экономического университета,
кандидат юридических наук, доцент
tvt@tut.by*

Статья посвящена исследованию удаленного административного принуждения как новой формы государственного воздействия, реализуемой с применением ИКТ в условиях цифровой трансформации. Раскрываются правовая природа, механизмы и формы цифрового принуждения в Республике Беларусь, включая автофиксацию правонарушений, алгоритмические решения и электронное исполнение санкций. Обоснована необходимость нормативного закрепления данной категории.

Ключевые слова: удаленное административное принуждение; цифровое государство; алгоритмическое правоприменение; автоматизация; административная ответственность; электронные доказательства; цифровизация управления; правовые гарантии; Беларусь.

Современный этап развития публичной власти сопровождается цифровизацией, приводящей к трансформации традиционных форм административного воздействия. На фоне этих преобразований возникают качественно новые формы административного принуждения: автоматическое вынесение постановлений о привлечении к административной ответственности, дистанционное исполнение взысканий, блокировка правомочий через электронные реестры, цифровой мониторинг правонарушений. Все они реализуются с опорой на информационные системы, зачастую без участия должностного лица на стадии принятия решения, что порождает как эффект повышения управленческой эффективности, так и правовые риски, связанные с обеспечением процессуальных гарантий, проверяемости алгоритмов и доступом к механизмам обжалования.

Цифровизация становится необходимым шагом «для адаптации к современным вызовам и требованиям, улучшения взаимодействия с гражданами и создания более эффективной и прозрачной системы управления» [1].

Беларусь в последние годы последовательно реализует политику построения электронного правительства, развитие которого зафиксировано в государственной программе «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 гг., утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 2 февраля 2021 г. № 66. В рамках данной Программы осуществляется внедрение комплексной системы межведомственного электронного документооборота, расширяется перечень цифровых услуг, доступных в онлайн-режиме. Эти процессы порождают системные изменения в структуре и механизмах функционирования органов государственной власти, включая органы, осуществляющие контроль, надзор и применение административных мер воздействия.

Цифровизация административно-правовой сферы в Республике Беларусь отражает переход от традиционного управления к дистанционным и автоматизированным моделям правоприменения. Как отмечает Н. В. Краснова, она требует пересмотра методов правового воздействия и оценки процессуальных гарантий [2, с. 42].

Во-первых, особое значение имеет Закон Республики Беларусь от 28 октября 2008 г. № 433-З «Об административных процедурах», закрепляющий право граждан на понятные и предсказуемые процедуры. Его реализация переведена в электронный формат, включая Единый портал электронных услуг. Это снижает коррупционные риски и унифицирует процедуры, но изменяет характер контроля: надзор все чаще автоматизируется – например, фиксируются просрочки рассмотрения обращений и др.

Во-вторых, органы контроля и надзора внедряют автоматизированные системы с онлайн-доступом к данным о подконтрольных объектах. Пожарные сигнализации, подключенные к серверам МЧС, передают данные о техническом состоянии в реальном времени. Налоговые органы обмениваются информацией с организациями, обеспечивая непрерывный контроль и снижение числа нарушений. Инспекторы используют программное обеспечение для выявления несоответствий в отчетности, а административные меры все чаще инициируются не по жалобам, а при срабатывании алгоритмов, фиксирующих «тревожные индикаторы» в массивах данных.

В-третьих, электронный документооборот формируется в административном процессе. Органы внутренних дел, суды и другие структуры переходят к цифровому формату делопроизводства. Так, МВД с 2022 г. внедрило электронный протокол, оформляемый на месте совершения правонарушения и автоматически вносимый в Единый банк данных, исключая бумажный документооборот. Аналогично автоматизировано и исполнение взысканий: информация о штрафах мгновенно поступает в банк, а при их неплате возможно автоматическое ограничение доступа к ряду услуг.

Цифровая трансформация меняет парадигму административного принуждения: вместо личного взаимодействия с представителем власти (вручение постановления, изъятие документа, задержание) меры реализуются дистанционно. Нарушение фиксируется техническим средством, постановление автоматически формируется и направляется в личный кабинет, а исполнение контролируется через межведомственные электронные базы и алгоритмы.

Наиболее ощутимым для граждан примером такой цифровизации стала система автоматической фото- и видеофиксации, особенно в сфере дорожного движения. Стационарные камеры работают в Беларуси свыше десяти лет, а в последние годы интегрированы в общенациональную систему мониторинга. Указ Президента от 25 февраля 2022 г. № 69 «О развитии республиканской системы мониторинга общественной безопасности» закрепил создание единой информационной платформы, объединяющей камеры и сенсоры для обеспечения общественной безопасности. Система позволяет в реальном времени анализировать видеоданные, распознавать номера и автоматически инициировать административный процесс.

Постепенно реализуется полностью автоматизированный цикл: от фиксации до взыскания штрафа. Как указал Министр юстиции Е. В. Коваленко, планируется автоматическое списание штрафов без участия инспектора, протокола и бумажного постановления – на основании распознавания номера и идентификации владельца [3]. Автоматизация преследования изменила классическую модель административного процесса. Ранее инспектор ГАИ останавливал транспорт, составлял протокол, вручал копию и разъяснял

права. При использовании автоматизированной технической системы контроля, согласно ч. 3 ст. 10.3 ПИКоАП, постановление выносится без протокола и вызова лица. Такой подход переносит бремя доказывания невиновности на гражданина и вызывает сомнения в его соответствии общепризнанному принципу презумпции невиновности.

Расширение систем автоматической фиксации серьезно увеличивает масштабы применения административных взысканий. В России большинство постановлений ГИБДД выносится без участия инспекторов, только на основании фото- и видеofиксации [4, с. 278]. Похожая тенденция наблюдается и в Беларуси: камеры фиксируют не только превышение скорости, но и отсутствие техосмотра, непристегнутые ремни, выезд за стоп-линию, использование телефона и др.

Автоматизация усиливает карательную функцию государства, обеспечивая оперативность, масштабируемость и исключение субъективности. Однако она требует особого внимания к защите прав, процедурным гарантиям, возможности обжалования и юридической определенности электронных решений. Важным элементом удаленного административного принуждения выступает электронное уведомление правонарушителей. В отсутствие личного вручения постановлений органы власти информируют граждан через цифровые каналы (личный кабинет, СМС, push-сообщения и др.). Автоматизация породила новую модель воздействия – удаленное вынесение решений без личного контакта. Она обеспечивает круглосуточный контроль, снижает коррупционные риски и усиливает неотвратимость ответственности, но вызывает правовые вопросы. В частности, автоматическая фиксация нарушений трансформирует принцип презумпции невиновности: владельца транспортного средства признают виновным по умолчанию, и он должен сам доказывать обратное. Такая модель требует оценки на соответствие конституционным гарантиям и международным обязательствам. Кроме того, автоматизированные системы подвержены ошибкам (распознавания, геолокации и др.). Следовательно, необходим четкий порядок верификации электронных доказательств и оперативный механизм обжалования.

Формализованный порядок может противоречить праву на рассмотрение дела независимым и беспристрастным органом. Хотя формально решение выносит должностное лицо, фактически оно лишь подтверждает автоматический результат.

Отечественное законодательство пока не регулирует статус электронных доказательств и применение алгоритмических решений в административном процессе. отсутствует порядок автоматического вынесения постановлений, что создает правовую неопределенность. Необходимо дополнить ПИКоАП нормами, устанавливающими допустимость электронных доказательств, ответственность за сбои системы и обязательную человеческую верификацию перед вынесением решения.

Следует отметить, что цифровизация затрагивает не только карательную, но и профилактическую функцию принуждения. Она усиливает потенциал предупредительных мер за счет технологий мониторинга и анализа данных. Примером служит Республиканская система мониторинга общественной безопасности, развернутая по Указу Президента «О развитии республиканской системы мониторинга общественной безопасности», объединяющая камеры, датчики дыма, утечки газа и радиации, установленные в общественных и частных пространствах. Система обеспечивает круглосуточное наблюдение за объектами инфраструктуры и местами скопления людей, содействует охране правопорядка, розыску, предотвращению чрезвычайных ситуаций.

Как подчеркивает А. В. Лубенков, «природа принуждения определяется необходимостью государственного управления, неразрывной связью управления с государственной властью и принуждением» [5, с. 9]. Обязанность подключать локальные системы к государственной платформе становится нормативным предписанием, исполнение которого обеспечивается административной ответственностью. Это формирует новую форму превентивного принуждения – нормативное вовлечение частных лиц в систему мониторинга, что формирует публично-частное партнерство в сфере принуждения.

Превентивный цифровой надзор может применяться в различных сферах. Так, системы фиксации нарушений в дорожном движении выполняют и предупреждающую функцию: табло на трассах, предупреждающие о превышении скорости, являются формой «мягкого» цифрового принуждения.

Аналогичные технологии используются в экологическом контроле: датчики отслеживают уровень выбросов, при превышении автоматически отправляются сигналы в надзорные органы, что позволяет оперативно применять необходимые меры. Беларусь движется в этом направлении: предприятия отчитываются через электронные порталы, интегрированные в систему экологического контроля.

Цифровые технологии позволяют формировать индивидуальные профили рисков в рамках рискоориентированного контроля. Компетентные органы применяют алгоритмы для распределения субъектов по уровням риска. Как отмечает Е. В. Овчарова, «решение инициируется алгоритмом, а человек лишь подтверждает и реализует его» [6, с. 133]. В таких условиях особое значение приобретают прозрачность и подотчетность алгоритмических решений. Хотя по закону гражданин имеет право знать мотивы решения, автоматизация затрудняет понимание причин признания его деятельности подозрительной.

Инновационной формой принуждения становится электронное исполнение взысканий, внедряющее механизмы безналичного списания штрафов через интеграцию банков и различных баз данных. Уже сейчас банки обмениваются информацией с МВД и погранслужбой: при наличии неоплаченных штрафов ограничивается выезд, а оплату можно произвести на месте через терминал. В перспективе возможно автоматическое списание штрафа по истечении срока добровольной уплаты.

Другой пример – удаленное приостановление деятельности. Ранее требовалось решение и визит инспектора, теперь при истечении срока лицензии в реестре автоматически формируется блокирующая пометка. Аналогично Оперативно-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь ограничивает доступ к запрещенным сайтам – без суда, через техническое исполнение интернет-провайдерами. Это пример цифровой меры административного пресечения.

Электронный контроль охватывает и исполнение взысканий. При лишении специального права (например, охоты или управления транспортным средством) фиксация запрета в реестре заменяет изъятие документа. Даже если удостоверение остается у нарушителя, система блокирует возможность им воспользоваться. Развиваются и формы дистанционного надзора. Во время пандемии был введен эффективный порядок проверок по видеосвязи. В будущем возможно его закрепление: инспектор будет оценивать данные с камер и датчиков удаленно и выносить предписания без выезда на объект. Таким образом, складывается новая модель принуждения, основанная на удаленном контроле, автоматизации и цифровом исполнении взысканий. Гражданин может не встретиться с инспектором, но будет охвачен полным циклом воздействия. Это повышает эффективность, но требует цифровой грамотности и надежных правовых гарантий.

На основе изложенного констатируем, что цифровая трансформация административного принуждения в Беларуси формирует новую правовую реальность, в которой традиционные меры дополняются или заменяются удаленными, алгоритмическими и бесконтактными механизмами. В этих условиях следует нормативно закрепить категорию удаленного административного принуждения как особой формы воздействия с применением ИКТ. Это позволит обозначить пределы допустимого цифрового вмешательства и классифицировать его формы – от автофиксации до дистанционных проверок и цифрового исполнения взысканий.

В условиях алгоритмизации юрисдикции встает вопрос о правовом режиме решений, принимаемых на основе цифровых данных. Должностные лица должны нести ответственность за достоверность сведений, полученных от автоматических систем, а решения – подлежать верификации и мотивировке. Требуется урегулирование порядка обжалования, ответственности за нарушения в сфере удаленного принуждения. Как подчеркивает В. И. Михайлов, «важнейшей задачей становится обеспечение интерпретируемости и юридической определенности цифровых решений» [7, с. 56].

Привлечение частных субъектов к инфраструктуре мониторинга требует четкого регулирования их прав и обязанностей, а также соблюдения баланса между безопасностью и неприкосновенностью частной жизни. Возрастает роль цифровой правовой помощи, доступности сервисов и цифровой грамотности граждан. Только при наличии единой цифровой среды – персональных кабинетов, уведомлений, механизмов обжалования, – можно говорить о справедливости удаленного принуждения. В перспективе следует закрепить в ПИКоАП определение алгоритма как элемента правоприменения с указанием условий допустимости и ответственности. Это обеспечит правовую определенность и ограничит произвол. Таким образом, удаленное административное принуждение становится ядром цифрового государства, отражая новую логику власти, а его развитие требует нормативного переосмысления, обеспечивающего баланс между эффективностью и правами человека.

Библиографический список

1. Чернявская, Ю. А. Цифровая трансформация государственного управления в современных условиях / Ю. А. Чернявская, А. В. Лавров // Вестн. Алтайской акад. экономики и права. – 2024. – № 12, ч. 1. – С. 156–162.
2. Краснова, Н. В. Цифровая трансформация и административное право: вызовы и перспективы / Н. В. Краснова // Журн. Белорус. гос. ун-та. Право. Сер. 3. – 2023. – № 2. – С. 41–48.
3. Камеры просят насквозь // GTO.by : [сайт]. – URL: <https://gto.by/news/kamery-proshyut-naskvoz> (дата обращения: 30.05.2025).
4. Шурухнова, Д. Н. Цифровые технологии в административной юрисдикции: проблемы правовой регламентации / Д. Н. Шурухнова // Рос. юрид. журн. – 2020. – № 6. – С. 278–280.
5. Лубенков, А. В. Государственное принуждение и административная юрисдикция / А. В. Лубенков // Вестн. Могилёвского ин-та МВД. – 2022. – № 1 (5). – С. 4–11.
6. Овчарова, Е. В. Алгоритмы как элемент административного процесса: правовая природа и пределы применения / Е. В. Овчарова // Правовая политика и правовая жизнь. – 2022. – № 2. – С. 130–136.
7. Михайлов, В. И. Интерпретируемость цифровых решений как правовая гарантия в административном процессе / В. И. Михайлов // Право и цифровая экономика. – 2024. – № 1. – С. 56–63.